

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 6
volume 6**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Турецкий поэт-суфий Ашык-паша

М. С. Фомкин

(Институт востоковедения РАН)

(Санкт-Петербург)

Начало истории турецкой литературы неразрывно связано с именами нескольких поэтов-суфиев, творческими усилиями которых были освоены новые для турецкой словесности литературные формы, образы и идеи, а также — выработаны нормы турецкой классической поэтики. Творчество первых тюркоязычных поэтов-суфиев Анатолии имело определяющее влияние и на дальнейшую судьбу турецкой литературы. Но вместе с этим, их творчество часто выходило за рамки турецкой литературы и занимало видное место в религиозном, этическом и идейном сознании обширного тюркского мира.

Первым в ряду этих поэтов стоит Мевляна Джалаледдин Руми (604/1207—672/1273), который практически не писал по-турецки, но тем не менее оказал всестороннее и решающее влияние на формирование и развитие турецкой литературы¹. Его сын Мухаммед Бахаеддин Султан Велед (623/1226—712/1312) оставил после себя первые точно датированные тюркоязычные письменные памятники Малой Азии и явился автором первых тюркских газелей в истории вообще всей классической тюркоязычной литературы². Их общая гробница в г. Конья стала национальной святыней и местом паломничества турков. Одна из самых самобытных фигур в названном ряду — Юнус Эмре (648/1250—720/1320), и по времени, и по значимости — первый турецкий национальный поэт, имя которого благодарная народная память на века окружила славой. И наконец, их младший современник, поэт-суфий Ашык-паша (670/1272—733/1332), автор первого значительного поэтического произведения в жанре месневи, целиком созданного на турецком языке — поэмы "Гариб-наме" ("Книга о чудесном").

Ашык-паша стал первым открытым выразителем идеи турецкого национального (этнического) самосознания. В поэме "Гариб-наме" он первым с предельной ясностью возвысил свой голос в защиту и поддержку турецкого языка, а значит, и его носителей — анатолийских тюрков:

ترك دلينه كمسنه بقمازدی (1)
تركله هرکز كوكل اقمازدی

ترك دقى بلمازدى اول دللىرى (2)

انجه يولى اول اولو منزل لرى

بو غريب نامه انن كلدی دیله (3)

کم بو دل اهلى دقى معنى بله

(ГН, л. 265 б)³

(1) На тюркский язык никто не обращал внимания,
К тюркам никто никогда сердцем не склонялся.

(2) А турки не знали других языков,
Их изысканных троп и больших переходов.

(3) Эта "Книга о чудесном" появилась на их языке,
Чтобы народ этого языка познал бы истину.

В другом месте своей поэмы поэт пишет так:

كرجه كم سيلند بنده ترك دلى (1)

الا معلوم اولد معنى منزلى

جون بلاسن جمله يول منزللرن (2)

يرمكل سن ترك و تاجك دللرن

(ГН, л. 265 б)

(1) Хотя и сказано здесь на турецком языке,
Но стал хорошо понятен весь смысл.

(2) И если узнал ты все пути и переходы,
Не порицай тогда турецкий и таджикский языки.⁴

Эти слова поэта доказывают его стремление поднять культурный авторитет турецкого языка, расширить сферу его применения, показать, что турки и их язык ничем не хуже других народов и языков.

Таким образом, Ашык-паша входит в ту плеяду ранних турецких поэтов, говоря о которых, мы вынуждены постоянно употреблять такие слова как первый или впервые.

Ашык-паша — это поэтический псевдоним, суфийское прозвище. Настоящее имя этого одного из самых известных турецких поэтов и суфиев — Али ибн ал-Мухлис-баба ибн Баба Ильяс.

В настоящее время науке известны пять крупных произведений — пять месневи Ашых-паши и собрание его газелей⁵. Наиболее известное из месневи — это поэма "Гариб-наме" ("Книга о чудесном"), благодаря которой Ашых-паша и занял свое достойное место в истории турецкой литературы.

До наших дней дошло сравнительно много рукописей поэмы "Гариб-наме" Ашых-паши. В количественном отношении выдающаяся роль принадлежит здесь собранию восточных рукописей СПбФ ИВ РАН, где хранятся шесть списков этой поэмы⁶. Культурологическое и религиозноведческое исследование этих петербургских рукописей "Гариб-наме" позволяет существенно расширить научные представления как об истории турецкой литературы, так и об истории развития и распространения суфизма среди тюркоязычных народов. В совокупности с остальными известными мировой науке списками, петербургские рукописи "Гариб-наме" дают материал для суждений о степени популярности, то есть — об активности функционирования сочинений Ашых-паши в череде читательских поколений в разных местах тюркского мира.

Прежде чем обратиться к рукописям "Гариб-наме", необходимо сказать несколько слов о самой поэме, и прежде всего — о её названии и его переводе на русский язык.

В данной статье используется перевод названия "Гариб-наме" как "Книга о чудесном". Однако в тюркологической литературе издавна и часто встречаются другие переводы этого названия — "Книга скитальца", "Книга чужака", "Книга чужестранца". В частности, Э. Гибб в своей фундаментальной "Истории османской поэзии" переводит "Гариб-наме" как "The book of the Stranger" ("Книга чужестранца") и комментирует это таким образом: "Это название могло намекать либо на состояние человека как изгнанника в этом мире, далекого от его Небесного дома, либо на положение писателя как чужестранца в городе Кыршехире"⁷. Так же переводит это название В. Минорский: "The book of an exile in this world" ("Книга изгнанника в этом мире")⁸. Думается, однако, что такой перевод является неоправданным. В пользу перевода "Книга о чудесном" говорит как само содержание поэмы, где перечисляются необычайные и чудесные с суфийской точки зрения вещи, так и традиционный смысл слова غريب в мусульманской книжной культуре. Как известно, эстетические идеалы тюркоязычной мусульманской литературы были те же, что и в арабской и персидской традициях. Ко времени Ашых-паши арабо-персидская поэтика и риторика (علم البلاغة) имела уже четко разработанные теоретические представления о словесном искусстве, среди которых были выделены присущие не только поэтическому, но и вообще художественному творчеству категории

عجيب ("удивительное") и غريب ("чудное", "чудесное"), которые имели высокую оценку в мусульманской литературе⁹. Таким образом, слово غريب в сознании литераторов той эпохи имело окраску уже устоявшегося термина с указанным выше значением. Позднее в таком же значении использует слово غريب Алишер Навои в своем трактате "Мухаккamat ал-лугатайн" ("Суждение о двух языках"), когда он перечисляет сто глаголов, соответствующих понятию غريب مقاصد ("удивительные намерения")¹⁰. Думается, что есть все основания видеть подобный же смысл и в названии поэмы Ашък-паши, которая была призвана рассказать об удивительных чудесах божественного мироздания.

До сих пор малоизученная, поэма "Гариб-наме" представляет собой, по выражению В. Д. Смирнова, "суфийский столб". Поэма написана в 730/1330 г. и содержит более 12000 бейтов. Написана арузом, размером ремель. Поэма Ашък-паши является своеобразной энциклопедией турецкого народного суфизма. Она дает исчерпывающее описание системы суфизма в его турецкой разновидности. Идейной основой поэмы является ислам суннитского толка, однако в поэме присутствуют следы и иноверческих (гетеродоксальных) учений, ставших частью турецкого суфизма. Вместе с этим "Гариб-наме" раскрывала туркам духовный мир двух известнейших турецких суфийских шейхов — Мевляны Джелялеddина Руми и Мухаммеда Бахаеддина Султана Веледа — сына Руми. Видимо, это сыграло не последнюю роль в чрезвычайной популярности поэмы в средневековой Турции.

Очень важно отметить, что отправной точкой для создания "Гариб-наме" стала для Ашък-паши поэма "Рюбаб-наме" ("Книга рюбаба") его старшего современника Мухаммеда Бахаеддина Султана Веледа (623/1226—712/1312), который был шейхом ордена Мевлеви. Не случаен поэтому и стихотворный размер ремель в "Гариб-наме" — это прямое назире на сочинение Султана Веледа.

Ашък-паша был тесно связан с суфийским орденом бекташи. А как известно, основатель этого ордена Хаджи Бекташ считался святым патроном янычар. Ашък-паша был ближайшим другом Хаджи Бекташа, что, конечно, придавало фигуре Ашък-паши особую привлекательность среди турков.

Одновременно с Ашък-пашой, в 730/1330 г. Хаджи Бекташ закончил свой суфийский трактат, многие идеи которого, только в более развернутом виде, имеются и в "Гариб-наме".

Таким образом, Ашък-паша развивал и педантично систематизировал различные суфийские идеи, создавая собственную концепцию суфизма. В ней важное место заняла, среди прочего, суфийская каббалистика. Поэма "Гариб-наме" Ашък-паши стала особым типом текста,

в котором выражались и доктрины, и эстетика суфизма с учетом турецких поэтических и идейных традиций. Научный анализ этой "энциклопедии" турецкого народного суфизма, безусловно, поможет выстроить модель сознания человека эпохи средневековья.

Поэма "Гариб-наме" Ашык-паши была необычайно популярна в самой Турции и за ее пределами на протяжении столетий. Это одно из немногих ранних турецких сочинений, которое сохранилось в обиходе турецкой читающей публики вплоть до нового времени. Слава Ашык-паши как поэта-суфия распространялась до Египта и Сирии. Отдельные его стихи цитировал Сулейман Челеби — известнейший турецкий поэт (умер в 813/1410 г.)¹¹.

Петербургские рукописи "Гариб-наме" Ашык-паши показывают нам, что его слава распространялась и далее — до Казахстана, до Букеевской орды, до Поволжья.

Популярность, высокую интенсивность функционирования сочинений Ашык-паши в читательской среде подтверждает, прежде всего, сравнительно большое число рукописей "Гариб-наме", известных в настоящее время науке. Их предварительный и, видимо, далеко не полный перечень выглядит следующим образом:

Перечень

рукописей "Гариб-наме" Ашык-паши

1. Стамбул, библиотека Кеманкеш, № 232.
Одна из старейших рукописей, содержит 10 293 бейта.
2. Там же, № 229.
Отсутствует начало.
3. Стамбул, библиотека Хюдаи, № 229.
4. Стамбул, библиотека Эйюб, фонд Хусрев-паша, № 542.
5. Там же, фонд Михршах Султан, № 349.
6. Стамбул, Публичная библиотека Баязид, № 3633.
Один из старейших списков, изготовлен в 861/1457 г.
7. Стамбул, библиотека архитектурного музея, № 258.
8. Стамбул, библиотека Селим-ага, фонд Казым Бей, № 159.
9. Стамбул, Университетская библиотека, № 121.
10. Там же, № 1838.
11. Стамбул, библиотека Терджуман газетеси (прежде: Сулейманийе; Лалели), № 1752.
Очень хороший список в двух томах, изготовлен в 882/1477 г. для библиотеки Йаш Бея по приказу мамлюкского султана¹².
12. Там же, № 100, шифр У — 363/1.
Неполный список¹³.
13. Париж, Национальная библиотека, № 413.
Один из самых старых списков, изготовлен в 848/1444 г.¹⁴

14. Будапешт, библиотека Венгерской АН, фонд тюркских рукописей, № 1¹⁵.
15. Берлин, Прусская государственная библиотека, шифр Cod. Diez, A fol. 23.
*Самый старый точно датированный список — 11 шабана 840/18 февраля 1437 г. Содержит 259 листов*¹⁶.
16. Там же, шифр Ms. or. ass. 1927 № 449.
Содержит 279 листов.
17. Дрезден, Государственная библиотека, шифр Cod. or. № 14.
*Содержит 302 листа*¹⁷.
18. Гёттинген, Университетская библиотека, шифр Cod. Asch. 82 ost.
*Содержит 255 лл.*¹⁸
19. Гота, Государственная библиотека, шифр Cod. Turs. 206.
*Содержит 324 лл.*¹⁹
20. Вена, Национальная библиотека, № 452.
*Неполная, содержит 322 лл.*²⁰
21. Болонья, библиотека Университета, коллекция Марсигли, № 3627.
*В начале и в конце неполная, содержит 260 лл.*²¹
22. Лондон, Британский музей, шифр Cod. Harl. 5511.
*Неполная, содержит 356 лл., копия 1047/1638 г.*²²
23. Там же, шифр Cod. Add. 7932.
*Неполная, содержит 297 лл., копия 1074/1663 г.*²³
24. Милан, библиотека Амброзиана, № 174.
Неполная.
25. Рим, библиотека Ватикана, шифр Cod. Borgiani turchi № 73.
*Неполная*²⁴.
26. Сараево, Государственный Музей Боснии и Герцеговины (собрание прежнего Института Балкан), № 312.
*Содержит 360 лл. Переписчик рукописи — Ильяс ибн Ашык-паша ибн Мухлис-паша, то есть — сын (!) поэта, что делает эту рукопись необычайно ценной*²⁵.
27. Дублин, частная библиотека Chester Beatty, № 472. Копия около 1400 г.²⁶
28. Ташкент, Институт востоковедения АН Узбекистана, № 1030²⁷.
29. Уппсала, библиотека Университета, № 678²⁸.
30. Рим, библиотека университета, восточный отдел, № 2254²⁹.
31. Санкт-Петербург, СПб Филиал Института востоковедения РАН, собрание восточных рукописей, шифр С 155.
*Полный список, составлен в 1255/1839 г. (копия с рукописи 850/1446 г.) в Казахстане. Рукопись посвящена хану Букеевской орды Джахангиру (годы правления 1825—1845)*³⁰.

32. Там же, шифр В 304.

Неполный список, составлен в начале XVIII в. в Поволжье³¹.

33. Там же, шифр С 2248.

Неполный список, составлен в начале XIX в. в Поволжье³².

34. Там же, шифр В 2526.

Неполный список, составлен в 1824 г. в Поволжье³³.

35. Там же, шифр 3743.

Неполный список, составлен до 1841 г. в Поволжье³⁴.

36. Там же, шифр В 3638.

Неполный список, составлен в 1293/1876 г. в Поволжье³⁵.

Таким образом, по этим предварительным сведениям современная наука располагает 36 списками "Гариб-наме" Ашык-паши. Много это или мало для поэта, который считается популярным в средневековой Турции? Для сравнения укажем, что, например, число рукописей поэмы "Рюаб-наме" ("Книга рюаба") Султана Веледа, которая послужила Ашык-паше, как уже говорилось, отправной точкой для создания "Гариб-наме", составляет 30, а число рукописей поэмы "Ибтида-наме" ("Книга начала") Султана Веледа, которая также содержала в себе тюркские стихи, — 26³⁶. Факты истории ближневосточных литератур показывают, что даже для значительных средневековых поэтов число списков их произведений нередко составляет всего лишь десятки или даже единицы³⁷. Поэтому 36 сохранившихся рукописей "Гариб-наме" Ашык-паши полностью подтверждают тезис о популярности и распространенности этого сочинения в тюркоязычной читательской среде.

Важный фактор для выяснения жизни книги во времени и смене читательских поколений — широта географического и хронологического диапазона происхождения и распространения списков, которая отражает динамику взаимодействия произведения с читателями, свидетельствует о степени общественного интереса к нему³⁸. Исследуя с этой точки зрения корпус рукописей "Гариб-наме" Ашык-паши, можно видеть, как в данном случае широк этот диапазон — рукописи переписываются и встречаются не только в самой Турции, но и в самых разных точках мусульманского мира — вплоть до Казахстана, Буковинской орды и Поволжья! Ни один другой турецкий поэт средневековья не имел такого географического диапазона распространения своих тюркоязычных произведений. Бросается в глаза и тот факт, что рукописи "Гариб-наме" Ашык-паши имеются практически во всех европейских собраниях восточных рукописей, что подтверждает их широкую распространенность, а следовательно, наличие спроса, то есть социального заказа на них.

Хронологические рамки приведенных выше списков охватывают период 1436—1876 гг. Это полностью подтверждает высказанное выше

суждение об активной литературной жизни этого сочинения Апык-паши во времени и свидетельствует о том, что на протяжении веков сохранялся устойчивый общественный интерес к "Гариб-наме" Апык-паши.

Уникальную в этом отношении информацию предоставляют петербургские списки "Гариб-наме", которые являются материальным воплощением малоисследованного до сих пор культурного феномена — взаимосвязи и взаимовлияния мусульманско-тюркской культуры Турции, Казахстана и Поволжья в средние века. Эти рукописи показывают, что и турецкая литература, и турецкий суфизм, а следовательно, и турецкий менталитет находили для себя благодатную почву в этих районах тюркского мира. И поэтому поворот этих районов в сторону Турции в конце XX века — это не случайность, а закономерное продолжение давней и естественной традиции.

Почему же именно "Гариб-наме" Апык-паши пользовалась такой популярностью и в Казахстане, и в Поволжье? Думается, что здесь, помимо причин чисто литературного характера (эстетические, художественные достоинства поэтического языка, поэтической техники, стиля, образной системы; занимательность сюжета и т. п.) огромную роль сыграли так называемые внелитературные факторы, среди которых первое место занимает совершенная необычайность самой личности Апык-паши и тот ореол святости, который был присущ как самому поэту, так и всей его семье, всему его роду. Остановимся на этом несколько подробнее.

Апык-паша происходил из семьи дервишей, которая приехала в Анатолию из Хорасана в XIII в. История этой семьи очень тесно связана с широким народным движением в Анатолии в XIII в. — движением бабаи, и одновременно — с началом становления бейлика Караман. Дед Апык-паши Абуль-Бека Шейх Баба Ильяс ибн Али аль-Хорасани в XIII в. переехал из Хорасана в Анатолию и поселился в Амасье. Здесь он стал шейхом тариката Абуль-Вефа Хорезми. Своих мюридов он называл *бабаи*. Вместе со своим заместителем (халифа) Баба Исхаком он организовал и в 1239 г. начал восстание под религиозными лозунгами, которое вошло в историю под названием "Восстание Баба-пророка". Сведения о его дальнейшей судьбе противоречивы: по одним источникам, он во время восстания был схвачен и заключен в крепость в Амасье, на сороковой день его заключения в тюрьме явился бурый конь, расколол стену его темницы и, взяв Баба Ильяс, скрылся с ним. Кроме этой красивой легенды, другие источники сообщают, что Баба Ильяс был убит во время восстания или же был казнен после него.

У Баба Ильяс было четыре сына: Шемседдин Махмуд, Муизеддин Али, Зияеддин Масуд и Мухлиседдин Муса. Двое из них — Шемседдин и Муизеддин — стали позднее везирами в Анатолии. Мухлисед-

дин — будущий отец Ашык-паши — так же как его отец Баба Ильяс, был шейхом в Амасье. Помимо своего имени, он известен также под своими двумя прозвищами: Муса Баба и Мухлис-паша.

Источники сообщают, что во время восстания бабаи Мухлис-паша был еще в пленках и был, в частности, спасен из пылавшей деревни Чат человеком по имени Шерефеддин. В возрасте семи лет его отправили в Египет; пробыв там семь лет, он вернулся в Анатолию. Здесь он был схвачен и посажен в тюрьму. И вплоть до 1277 г. история жизни Мухлис-паши покрыта мраком. В указанном же году началось мощное народное восстание под предводительством простого турка Джимри ("лже-Сиявуша"), в этом восстании самое активное участие принимал Мухлис-паша, ставший одним из руководителей этого народного движения. Восставшие захватили Конью, и Мухлис-паша в течение шести месяцев был правителем Коньи, но затем передал бразды правления представителям бейлика Караман — роду Караманогуллары в лице Мехмед-бея, когда последний стал везирем при захватившем власть Джимри. Судя по всем источникам, Мухлис-паша жил в эпоху первого османского султана — Османа Гази, к которому отец будущего поэта присоединился после разгрома всего народного движения.

Здесь нужно обязательно подчеркнуть тот факт, что именно в период правления в Конье в 676/1277 г. Мухлис-паши был издан знаменитый указ Мехмед-бея, запрещающий использовать персидский язык в государственных делах. Этот указ был подкреплён безжалостной казнью писцов, носителей традиций персидского делопроизводства³⁹. Это свидетельствует о необычайном накале борьбы за тюркские жизненные начала, то есть — о мощном всплеске тюркского национального самосознания в Анатолии в этот период.

Таким образом, ту борьбу за авторитет, за признание турецкого языка, которую, как уже говорилось вначале, вел литературными средствами Ашык-паша, до него сознательно начал — и при этом практически средствами! — отец поэта, Мухлис-паша. Поэтому в турецкой и — шире — тюркской духовной традиции имена и деда, и отца, и внука — Ашык-паши, ассоциируются с идеей политической и культурной самостоятельности тюрков, с идеей тюркского национального самосознания и достоинства.

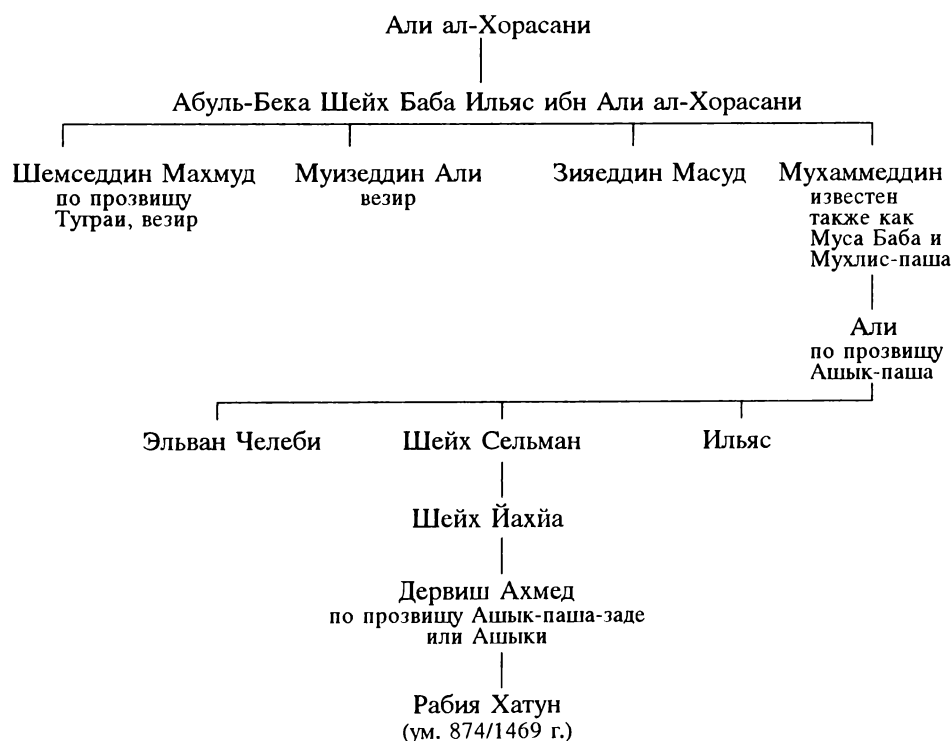
Сам Ашык-паша начал свое образование с того, что изучал обычные и сокровенные (мистические) науки у шейха Сулейман-и Кыршехри, а затем — у шейха Османа, который был одним из заместителей (халифа) Ильяс-паши, главы суфийского ордена, деда поэта. Позднее, по настоянию своего отца Мухлис-паши, Ашык-паша женился на дочери шейха Османа. Будущий турецкий поэт принимал, как и его предки,

активное участие в политических движениях в Малой Азии того времени. Вместе с посольством выезжал в Египет. Вернувшись, стал везирем у анатолийского вали Тимурташ-паши. После его восстания, закончившегося неудачей, вновь бежал в Египет, там был посажен в тюрьму. В 732/1332 г. Апык-паша освобожден из заключения в Египте и решил вернуться в Амасью. Но, доехав до Кыршехира, он заболел и там же, 13 сефера 733/3 ноября 1332 г. умер.

Все имеющиеся источники единодушны в том, что Апык-паша был богатым, ученым и благочестивым шейхом, активно вмешивался во все народные движения в Анатолии и при этом писал суфийские стихи. В связи с этим М. Ф. Кёпрюлюзаде отмечает: "Мы можем с уверенностью утверждать: слова Лятифи о том, что Апык-паша переселился в Анатолию из места, близкого к персидской границе, — не имеют под собой никакого основания. Апык-паша без всякого сомнения родился в Анатолии"⁴⁰.

Отблески этой и мирской, и духовной славы основателей родового древа Апык-паши передались и его потомкам, среди которых также были прославившиеся в турецкой истории шейхи, дервиши, поэты.

У самого поэта было три сына: Эльван Челеби, Шейх Сельман и Ильяс, а его родословное древо принимает, таким образом, следующий вид:⁴¹

Таким образом, мы видим, что род Ашык-паши — это род везирей, святых шейхов, дервишей, правителей городов, руководителей огромных восстаний, выразивших национальных турецкие идеи и устремления. Все это было хорошо известно современникам, поскольку еще существовали традиции устной передачи знаний (так, как в свое время передавались из поколения в поколение хадисы), и конечно, все это не могло не импонировать и туркам Анатолии, и туркам Казахстана и Поволжья.

Среди других внелитературных факторов популярности поэзии Ашык-паши нужно назвать тот духовный, религиозный ореол, который окружал имя поэта с давних пор и который нашел свое прекрасное материальное воплощение в ряде памятников материальной культуры.

Святость Ашык-паши как составителя своеобразной энциклопедии турецкого народного суфизма, успех этого его по сути патриотического начинания, его духовная близость к всенародно почитаемым Джеляледдину Руми и Султану Веледу, близость, которую поэт подчеркивал даже литературными средствами, — все это привело к тому, что могила Ашык-паши в Кыршехире стала у турков местом паломничества и поклонения точно так же, как и могила Джеляледдина Руми и Султана Веледа в Конье. Над его могилой сразу же после его смерти в 733/1332 г. был построен мавзолей. Он выполнен целиком из красивейшего мрамора. Сделано это было по распоряжению тогдашнего везира из династии Эретнагуллары (Эртена). В сооружении мавзолея принимал участие племянник Ашык-паши — Алаеддин Али Шах. Рядом с мавзолеем Ашык-паши похоронены некоторые члены его семьи. С точки зрения анатолийских турков мавзолей Ашык-паши всегда был и остается священным местом.

Важно подчеркнуть, что турецкие искусствоведы отмечают очень древние среднеазиатские, собственно турецкие архитектурные традиции, воплотившиеся в этом прекрасном сооружении. Совершенно очевидно, что таким способом древние зодчие специально подчеркнули приверженность Ашык-паши турецкому духовному миру, турецкой культурной традиции.

Кроме мавзолея в Кыршехире, в XVI веке в Стамбуле была построена мечеть Ашык-паши в квартале, который тогда назывался "Квартал зодчего Синана" (ныне Хайдар). Рядом с ней было сооружено *завие* (обитель дервишей) Ашык-паши. Рядом с этой мечетью находятся несколько гробниц, в которых похоронены его потомки: гробница Ашык-паша-заде; а также сооруженная в 874/1469 г. гробница Рабия Хатун и ее мужа (по другим источникам — ее шейха) Сеййида Велайета. Все это свидетельствует о том, что в мусульманской среде и в мусульманс-

кой культурной традиции имя Ашык-паши всегда было окружено религиозным благоговением.

Среди внелитературных причин популярности и распространения поэмы "Гариб-наме" Ашык-паши в тюркском мире следует подчеркнуть еще один очень важный момент как в биографии поэта, так и в содержании его поэмы. В начале статьи уже приводились слова поэта в защиту турецкого языка, которые показывают высокий уровень тюркского национального самосознания у поэта и позволяют говорить о тюркском патриотизме, пронизывающем его творчество. Это соответствовало настроениям турецкого и — шире — тюркского общества, в котором патриотические настроения и дух национального самосознания занимали достаточно большое место, несмотря на распространение в этом обществе ислама, который, согласно расхожему представлению, должен был бы вытравить национальное самосознание и заменить его конфессиональным. На самом деле этого не происходило, и в частности, в самосознании анатолийских турков этническое (национальное) неистребимо сосуществовало (и продолжает сосуществовать и сейчас!) вместе с конфессиональным, что подтверждается многими историческими и культурными фактами⁴².

Но помимо этого патриотического духа "Гариб-наме" несет в себе еще и идею, которой были одержимы и предки Ашык-паши, и сам поэт, а именно — идею создания единого тюркского государства, идею сплочения и единения турков. В поэме эта идея выражена в форме притчи, которая опять же впервые (!) вводит этот сюжет в классическую тюркоязычную литературу, предлагая его первую тюркскую разработку:

- (1) بر زمانده واردی بر نامدار
سلطنت سر میشدی حق روزگار
- (2) اوتز اوغل ور مشیدی حق اڭا
بر کی ایشت کر کی نه درون سکا
- (3) هر بر ایشک کم دنیده اوک وار
هیچ کمان دتما کی آنک صوک وار
- (4) اول کشی جون بللو بلد یکم الور
درد اغلنلارنی اوکت ویرر
- (5) ایدر ای اغلنلرم کجیدی زمان

- وقتم اولدى اولسارم بيكمان
(6) باری سیزه بن بر اوکت ویریم
دنیده درلك یلن کستاریم
(7) دیدلر فرمان سنک نید ار سک
دوتوز بز هر نکم سن دیر سک
(8) ایتد ارته قامو حاضر اولکز
هر بریکز بر اوق آلب کالکز
(9) ارته انده قامو حاضر اولدلر
هر بری بر اوق الوبن کلدلر
(10) صیدلر اقلو اوقن سیلادلر
نه بویر سک امدی بویر دیدلر
(11) ایتد وارک کاترک بیرر دقی
باکه ویرک بوکز اول اوتز اوقی
(12) اوتز اوقی جمع ادب دتدی بله
بغلدی بشدن بشا برک اییله
(13) شیله محکم بغلدیکم اولد بیر
کتد اندن اول اتز لق قلد بیر
(14) ایتد کورک بوکزده صیا مسیز
صیمساکز دیدکم طویا مسیز
(15) آتلاری ایتدی ای اغلانلرم
ای یراکم قانلری ای جانلرم
(16) بو اوکت طیدر اخی طوتنلره
ایکلك قوپ برلله بیتنلره

(17) کو اول اوق يلکوز کن هيچ ديمدی

جون برکدی هيچ کمسنه قويمدی

(18) بس بلک يلکز کش کيجسز اولر

بير کنلی دولتی اوجسز اولر

(ГН, лл. 216—22а)

Перевод:

- (1) В некие времена жил один славный человек,
Он властвовал очень разумно.
- (2) Господь дал ему тридцать сыновей,
Послушай меня, узнай, что я расскажу тебе.
- (3) У каждой вещи в этом мире есть начало,
Не сомневайся — у нее есть и конец.
- (4) Поскольку тот человек хорошо знал, что он умрет,
Он собрал своих сыновей и дал им совет.
- (5) Он сказал: "О мои сыновья, прошли годы,
Пришло мое время, без сомнения, я скоро умру.
- (6) Поэтому я хочу дать вам один совет,
Я хочу показать вам дорогу жизни в этом мире".
- (7) Они ответили: "Если ты прикажешь,
Мы последуем всему тому, что ты скажешь".
- (8) Их отец сказал: "Ну что ж, приготовьтесь,
Пусть каждый из вас возьмет одну стрелу и принесет мне".
- (9) Так и сделали, все собрались,
И каждый пришел со своей стрелой.
- (10) Собрались они со стрелами и сказали: "Рассказывай!
То, что ты хотел приказать, приказывай!"
- (11) Отец сказал: "Подойдите каждый ко мне,
Дайте мне эти тридцать стрел".
- (12) Тридцать стрел он плотно соединил вместе,
Связал их хорошенько веревкой.
- (13) Так прочно связал, что они стали единым целым,
Было их порознь тридцать, а вместе они стали одним.
- (14) Отец сказал: "Посмотрите, вы можете переломить это?
А если не можете, то понимаете ли, что я сказал вам?"
- (15) Их отец сказал: "О мои сыновья,
О капли моей крови, о частицы моей души!
- (16) Этот завет — сила для тех, кто его выполняет,

Для тех, которые оставляют рознь и становятся едиными.

(17) Потому что, когда стрела одна, она ничего не значит,

Но когда стрелы вместе, они никому не подвластны.

(18) Твердо усвойте: один человек всегда бессилен,

Объединенное государство не имеет конца!"

Этот призыв к объединенному, независимому тюркскому государству был особенно актуален в Анатолии в XIV веке, когда там зарождалась собственная тюркская государственность, в период раздробленных бейликов и их вражды. Этот же призыв, эта же идея всегда были актуальны и для среднеазиатских, и для поволжских тюрков. Может быть, поэтому турецкая поэма "Гариб-наме" нашла такой отклик и в далеком Поволжье, и в далекой от Турции Буковской орде, о чем свидетельствуют рукописи "Гариб-наме" из петербургской коллекции.

Примечания:

1. Подробнее о нем см.: Джавелидзе Э. Д. У истоков турецкой литературы. 1. Джалаль-ед-дин Руми. (Вопросы мировоззрения). Тбилиси, 1979.

2. Подробнее о нем см.: Фомкин М. С. Султан Велед и его тюркская поэзия. М., 1994.

3. Здесь и далее в круглых скобках в форме (ГН) даются ссылки на текст "Гариб-наме" по рукописи С 155 (309 а) собрания тюркских рукописей СПбФ ИВ РАН. Описание рукописи см.: Дмитриева Л. В. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Т. III. М., 1980, с. 33, N 85.

4. Под термином *تاجک دلی* Ашык-паша имел в виду, вероятно, народно-разговорный персидский язык.

5. Это следующие месневи: 1) "Гариб-наме" ("Книга о чудесном"), 2) "Факр-наме" ("Книга о бедности"), 3) "Васф-и хал" ("Описание халы"), 4) "Кимья рисалеси" ("Трактат по алхимии"), 5) "Хикяйе" ("Рассказ"). Подробнее см.: Гарбузова В. С. Ашык-паша и становление турецкого литературного языка. — Средневековый Восток: История. Культура. Источниковедение. М., 1980, с. 77—78.

6. О них подробно см.: Дмитриева Л. В. Указ. соч., с. 33—34, №№ 85—90.

7. Gibb E. J. W. A history of Ottoman poetry. V. I. London, 1900, p. 181.

8. Minorsky V. The Chester Beatty library. A catalogue of the turkish manuscripts and miniatures. Dublin, 1958, p. 109.

9. Подробнее см.: Grünebaum von, G. E. Islamkunde und Kulturwissenschaft. — ZDMG, B. 103, 1953, S. 9.

10. Цитируется по: Bombaci Al. The Turkish literatures. Introductory notes on the history and style. — Philologiae Turcae Fundamenta. Wiesbaden, Bd. 2, 1964, p. XXIII.

11. Björkman W. Die altosmanische Literatur. — Philologiae Turcae Fundamenta. Wiesbaden, 1964, Bd. 2, S. 416.

12. Сведения о рукописях N 1—11 почерпнуты из: Köprülüzade M. F. Âşık Paşa. — İslâm ansiklopedisi. I. cüz, İstanbul, 1941, s. 702.

13. Günay Kut. Tercüman Gazetesi Kütüphanesi Türkçe yazmalar kataloğu. I. İstanbul, 1989, s. 82.

14. Blochet E. Catalogue des manuscrits turcs de la bibliothèque Nationale de Paris. T. I. Paris, 1932, № 413.

15. Thury Josef. XIV. asir sonuna kadar türk dili yadigârları. — Milli Tettebbuat Mecmuası, № 4, İstanbul, 1331/1915, s. 103—105.

16. Pertsch W. Die handschriften Verzeichnisse der königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd. 4. Verzeichniss der türkischen Handschriften, Berlin, 1889, S. 360.

17. Fleischer H. Catalogus codicum manuscriptorum orientalium bibliothecae regiae Dresdensis. Lipsiae, 1831, № 14.

Восточные соседи России: мир письменности и культуры

18. Pertsch W. Die Handschriften in Göttingen. Berlin, 1894, S. 43.
19. Pertsch W. Die türkische Handschriften der herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Wien, 1864, S. 178.
20. Flügel G. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-königlichen Hofbibliothek zu Wien. Bd. I. Wien, 1865. S. 615, № 650.
21. Rosen V. v. Catalogue of the Turkish Manuscripts in Bologna. Bologna, 1876, s. 20.
22. Rieu Ch. Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum. London, 1888, p. 160.
23. Rieu Ch. Op. cit., p. 162.
24. Сведения о рукописях N 24, 25 взяты из: Babinger Fr. *Âşîq Paşas Gharib-nâme*. — *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen*. XXXI. Bd., II. Abteilung. Berlin, 1939, S. 6.
25. Babinger Fr. Op. cit., S. 8.
26. Minorsky V. The Chester Beatty Library. A catalogue of the turkish manuscripts and miniatures. Dublin, 1958, p. 109.
27. Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1954, с. 128.
28. Zetterstéen K. V. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala. I. — *Le Monde Oriental*, vol. XXII, 1928, S. 65.
29. Rossi E. Studi su manoscritti del Garib-name di 'Âşîq Paşa nell Biblioteche d'Italia. — *Revista degli Studi Orientali* pubblicata. A Cura dei professori della Scuola Orientale Nelle Università di Roma, XXIV, fasc. I—IV, Roma, 1949, s. 108—119.
30. Дмитриева Л. В. Указ. соч., с. 33, № 85.
31. Там же, № 86.
32. Там же, № 87.
33. Там же, № 88, с. 34.
34. Там же, № 89.
35. Там же, № 90.
36. Подробнее о рукописях Султана Веледа см.: Фомкин М. С. К вопросу о литературной судьбе произведений Султана Веледа. — *Тюркские и монгольские письменные памятники*. М., 1993, с. 110—123.
37. Точные, сведенные в таблицу числовые данные такого рода по одиннадцати крупным персидским поэтам XI—XIII вв. см.: Фомкин М. С. Указ. соч., с. 114.
38. Султанов Т. И. Рукописная историческая книга и ее читатели в странах средневекового мусульманского Востока. — *Народы Азии и Африки*. М., 1984, № 2, с. 72.
39. Köprülüzade M. F. *Littérature turque Othmanli*. — *Encyclopédie de l'Islam*. T. 4. Leide-Paris, 1934, p. 989.
40. Köprülüzade M. F. *Âşîk Paşa*, s. 702.
41. Подробнее об этом см.: Babinger Fr. Op. cit., S. 4.
42. Подробнее об этом см.: Фомкин М. С. О соотношении религиозного и этнического в самосознании анатолийских тюрков в XIII—XV вв. — *Тюркология: Международный научно-теоретический журнал*. Баку, 1992, № 3, с. 90—98.

M. S. Fomkin. Turkish Poet-Sufist Ashuk Pasha

Turkish sufism and sufi poetry have become the main phenomena of the Turkish culture and in many aspects determined the peccaries of the Turkish mentality. The graves of such poets-sufists as Jelaleddin Rumi, Sultan Veled, Ashyk Pasha are still scored for numerous Turkish pilgrims, while poems by Yunus Emre excite people from different parts of a big Turkish world.

Ashyk Pasha's (1272—1333) poem "Garib-name" ("The Book of Extraordinary") can be called the encyclopaedias of the Turkish popular sufism. The poem consists of 12 000 beits and was very popular in medieval Turkey showing the spiritual world of two famous Turkish sufi sheikhs — Jelaleddin Runi and Sultan Veled. This poem, as well as the "Fakr-name" and some other works by Ashyk Pasha invented recently, gives a perfect description of the Turkish sufism system.